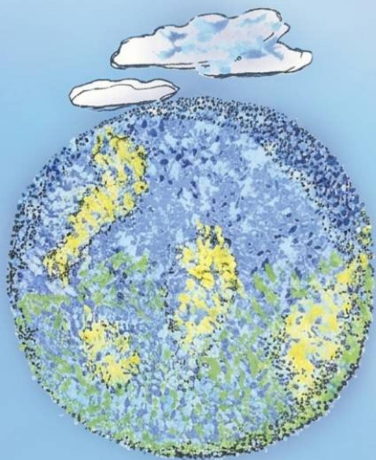

Татъяна Желудкова

*Повадился
журавель...*

Татьяна Желудкова

Повадился журавель

<https://litres.ru/74483547>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник прозы и стихов Татьяны Желудковой о человеческих судьбах, памяти, любви, семье и непростых жизненных выборах. В книгу вошли десять рассказов и цикл стихотворений.

Герои рассказов — обычные люди, чьи истории складываются из радостей и потерь, ошибок и раскаяния, надежды и стремления быть любимыми. Автор обращается к темам материнства, одиночества, болезни и жажды жизни, прощения, деревенского быта и памяти о прошлом. За внешней простотой повседневных событий раскрываются характеры людей и последствия решений, которые порой определяют всю дальнейшую судьбу.

Содержание

ОБ АВТОРЕ	5
РАССКАЗЫ	6
НЕПРОЩЁННАЯ	14
ВАНЬКА-ПИСТОЛЕТ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Татьяна Желудкова

Повадился журавель

Татьяна Желудкова

ПОВАДИЛСЯ ЖУРАВЕЛЬ

Проза, стихи

Заречный, 2012

Желудкова Т. А. Повадился журавель: проза — стихи. Заречный, 2012.

Иллюстрации Тютковой И. Ф.

© Желудкова Т. А., 2012 г.

© Тюткова И. Ф., 2012 г.

ОБ АВТОРЕ

Татьяна Желудкова родилась в 1952 году в селе Алексеевка Башмаковского района — в глубинке Пензенской области. Окончила Пензенское училище культуры и искусств. Много лет работала в городе Заречном на ПО «Старт». С 2000 года является членом литературно-поэтического объединения «Радуга». Печаталась в коллективных сборниках: «Радуга в сердце каждого», «Рассвет над соснами», «Гори, не гасни, радуга», «Если имя тебе — заводчанин», «Мы с тобою очень дружим». «Монолог» — 2007 г. — поэтический авторский сборник Татьяны Желудковой. С 2005 года Татьяна Желудкова является членом прозаического объединения «Былина». Печаталась в коллективном сборнике «Человеческий фактор», в журнале «Сура». «Талая вода» — 2008 г., «Хочу картошки» — 2009 г. — прозаические авторские сборники Татьяны Желудковой. «Сентябрины» — 2010 г. — прозаический и поэтический авторский сборник. «Повадил-ся журавель» — 2012 г. — прозаический и поэтический авторский сборник.

РАССКАЗЫ

КАТИНА ВСЕЛЕННАЯ

Х

лоп, хлоп! — Катя с удовольствием хлопает толстыми, короткими пальцами по солнечным зайчикам на стене. Хлопнет, откинет голову и смеётся. Она родилась умственно отсталым ребёнком, и для счастья ей надо было немного: пучок лучиков, горстку листиков. За мухой могла так восхищённо следить, что казалось, будто она видит её впервые. Умела радоваться самой малой малости. Мелкие кудряшки на её голове за ночь сваливались так, что матери долго приходилось расчёсывать их гребнем. Порой гребень застревал на затылке. Катя начинала мычать от боли, причмокивая губами, и мать, недолго думая о красоте, ножницами выстригала волосы. Неровно срезанные, они спадали «лесенкой». Причёсанная и умытая, Катя подходила к окошку и глядела на улицу. Соседи проходили мимо их дома, она тыкала пальцем в стекло и добродушно выталкивала из себя: «У-у». Мать бросала короткий взгляд: «Дуська за водой пошла. Три зари надо отливать капусту, чтоб быстрее принялась». Немая дочь усиленно набирала воздуха в лёгкие, будто пыталась что-то сказать на своём языке, но ничего у неё не получалось, и соглашаясь с матерью, она только мотала головой.

Потом топала к кухонному столу, садилась на табурет, ждала завтрака. Катина мать была уже немолодою; её тёмная, будто пергаментная кожа

выдавала возраст. Несмотря на свои годы, она терпеливо обихаживала дочь: помогала надевать ей ситцевое в цветочек платье, кормила простой едой — картошкой с квашеной капустой, щами, кашей. При скромном питании дочь казалась довольно упитанной. Румянец на щеках у Кати лежал густо, но не ярко — словно подретушированный серым пеплом. Мне, маленькой в ту пору, во всяком случае, он казался странным. После утренних хлопот у Кати впереди — целый длинный день. Большая его часть обычно уходила на обход села. Это вроде и была её работа. Низенького росточка, с короткими, оплывшими от «рожистого» воспаления ногами, в тёплое время года Катя чаще всего выходила из дома босой. Обувалась только в сильные морозы: валенки на её ноги не налезали, отец Кати укоротил голенища сверху, а сзади сделал надрез. Обход начинался с её родимого Садового посёлка. Название Садовый не было случайным: яблони разных сортов росли возле каждого дома. Вишня, черёмуха, слива фиолетовая и жёлтая, разрастаясь, свешивались за заборы. Катя с узелочком в руках, на случай, если кто, что-нибудь подаст — либо варёное яичко, либо расщедрится на сладкое печенье — все подарки складывала в него. К концу дня в узелочке всё перемешивалось: печенье крошилось, облепляло яйца и куски хлеба, растаявшие конфеты «дунькина ра-

дость» растекались сладкой патокой. Дома мать вытряхивала мешочек, молча перебирала содержимое. Когда Катя приближалась к крайнему дому, приостанавливалась и смотрела добрыми глазами. Если с ней заговаривали, отвечала либо кивком головы,

либо жестикуляцией рук. Но чтобы самой протянуть руку для милостыни — никогда. Дядя Петя Иванов, когда встречал Катю, всегда с улыбкой спрашивал её об одном и том же: — Кать, а, Кать, отец, небось, тяпнул стаканчик самогонки? Катя отчаянно мотала головой, переживая, мычала: — Н-не, н-н-не... — Прямо, нет. Ага, — дядя Петя, снимая фуражку, чесал затылок, — молодец, Катюха, что отца защищаешь. Видя её обеспокоенность, отводил глаза, бормотал: — Кто её, эту заразу самогонку, придумал? Вот встаёшь и в аккурат с утра о ней думать начинаешь. Тянет к ней страсть как. Как к смазливой бабе. Даже сильнее, — дядя Петя сплёвывал через плечо. — Иди, Кать, иди. Не обращай на меня внимания. Пошутил я. Катя потихоньку трогалась с места и направлялась дальше. Широкая дорога возле пруда сворачивает вправо. По берегу растут ивы. Грустные, они свешивают свои косы в воду. На дощатом настиле тётя Валя Черноусова с утра полощет бельё — руки над водой разводит широко, цветные рубахи и платья расправляются в воде. Выполоскав, собирает их в жгут, отжимает, встряхивает и кладёт в таз. Катя замирает в сторонке, наблюдает. Тётя Валя распрямляется, смахивает рукой пот со лба: — Ну, что, Кать, опять в

село с проверкой? Катя молча кивает головой. — Конечно, сходи. Сейчас день — год. Всё село обойдёшь. Узнаешь, кто чем живёт. А я вот дополощу бельё, побегу в магазин за хлебом. ...Ну, давай, Катя, —

тётя Валя, нагнувшись, заправила свисавшие концы цветной простыни в таз. Подхватив его под мышку, направилась к дому... Катя двигалась дальше. Пыль — тёплая, мягкая, взмётывалась и суетно укладывалась опять, обдавая босые ноги. В летние месяцы цыпки с ног Кати почти не сходили.

...Из родного села её никогда никуда не возили, и ей это путешествие, должно быть, казалось походом во Вселенную. По обочинам кудрявилась сурепка, росли лопухи — от пыли за лето они седили. Частенько Катя забредала на лужок, клала рядом с собой узелок и внимательно разглядывала васильки. Поднимала глаза к небу, приставив ко лбу ладошку, и опять смотрела на васильки. Потом она засыпала, раскинув руки на траве. Платье, задравшись, оголяло полные отёчные колени. Иной раз соломинка застревала в волосах, изо рта по щеке стекала слюна, рядом суежилась муха с зелёноватым отливом на спине. Катя изредка подёргивалась от назойливых приставаний, но продолжала спать безмятежным сном младенца. Случалось, ото сна её пробуждала дворовая собака, лизнув языком по щеке — давала понять, что, мол, пора просыпаться да дальше отправляться в путь-дорогу. Я помню, Катю всегда сопровождали дворовые собаки — они её признавали за свою и никогда не лаяли. Катя никогда не изменя-

ла своей дороге: который год преданно топала по ней, убеждая нас в том, что это для неё — главное. Тяжёлые машины, проезжая мимо Кати, обдавали её гарью и чем-то незнакомым,

поэтому она их боялась. Хорошо, если за рулём пожилой водитель — не обидит, проедет как можно аккуратней. Если же за рулём молодой — тогда держись! Будет крутить баранку туда-сюда. Машину начнёт бросать из стороны в сторону, Катя завизжит, закрывая голову руками. — Кать, ты чё? — молодой зубоскал выглянет в окно. — Не бойсь, не задавлю — и «врубит» на всю катушку сигнал в кабине. Катя от этого звука закричит ещё громче, а водила, проехав метров двадцать вперёд, перестанет бибикать и даст по газам. Возле дома тёти Гани Судоргиной Катя особенно любит останавливаться. На калитке прибита ржавая жестянка. Катя берёт камешек и начинает им водить по жестянке. Сначала звук получается робким, на заломах чуть дребезжит. Потом Катя водит камешек уже уверенно, звук получается более громким, отчётливым, даже ритмичным. В перерывах Катя ухом прислоняется к двери и слушает, слушает. Стопу правой ноги ставит на левую и стоит долго-долго. Может, эти звуки кажутся ей прекрасной музыкой? ...Катю пугали озорники-мальчишки. Они, как саранча, налетали неожиданно и начинали кричать: — Катя Брыкона! Катя Брыкона! — и совсем похулигански кидали в неё камнями. Вот тут она не выдерживала — ложилась на землю и начинала сучить нога-

ми. — А-а-а! — и нёсся истошный крик. Моя мама, однажды увидев это безобразие, сильно отругала мальчишек. Разогнала их: — Бессовестные, разве можно обижать слабых? Справились? А ну, марш по домам!

Я понимала, почему мальчишки так относятся к Кате — она была для многих пугалом. Этого не скрывали родители: если, например, девчонка оденется как-то не так, мать ей кричит: — Что это ты оделась, как Катя Брыкона? Случалось, матери пугали своих расшалившихся малолетних чад: — Вот сейчас придёт Катя Брыкона и заберёт тебя! Тогда узнаешь! Я уже тогда задумывалась: зачем они пугают детей Катей? Разве она кого обидела? Это её мог обидеть любой.

Много лет я не могла понять прозвище Брыкона. У кого и спрашивала, никто мне ничего вразумительного сказать не мог. Отмахивались: «Да Брыкона и всё тут». А фамилия-то у Кати была Лунёва. Добрая, красивая фамилия. Когда я проносила её фамилию, мне представлялась полная, круглая луна. Чувствовалось мягкое движение синего тумана, податливого, стелющегося по земле. После таких туманов хорошо ходить в лес. Грибы прут из-под земли — страсть, листья поднимают шляпками. А тут Брыкона! При чём тут Брыкона? Потом осенило — это составлено из двух слов: брык и она! Катя же падала от обиды! Вот и прилипло к ней это прозвище: брык — она, брык — она. А всё вместе Брыкона. До поры до времени я не думала над тем, можно ли в селе обойтись без Кати. Но однажды она сильно заболела. Из до-

ма не выпускали — у неё был сильный жар. Больная металась в бреду и её горячие,

потрескавшиеся губы натужно выталкивали одни и те же звуки: «М, м, м-м-а-...» Казалось, звала в беспамятстве Катя свою мамку, просила помощи. А может, ей грезилось в жару, что она здоровенькая, бегают на лужайке и, как обычные детки кричит понятные всем слова, которые наяву из неё не выпускает невидимая заслонка. Ничем не примечательная, Катя своим отсутствием словно изменила привычный порядок вещей. Мне показалось, что дома стали серыми, скучными. Я частенько спрашивала свою маму, которая была вхожа в их дом: — Мам, Кате не полегчало? — Поправляется, дочка. Каждый день я глядела в конец улицы и ждала Катю. А как я обрадовалась, когда, наконец, разглядела появившуюся из-за поворота знакомую нескладную фигуру! Шла она враскачку, переступая с ноги на ногу, как уточка. Я знала, что Катя будет по очереди подходить к дверям, к калиткам с прибитыми железками и нежно водить камешком по ним, чтобы слушать только ей понятную музыку. И я себе говорила: «Пусть только ходит по селу и пусть всегда она будет. Без неё нельзя никак». И, как озарение, мне однажды явилась мысль, что Катя нас всех очень любила и прощала. ... Когда её не стало, всякий раз, когда я видела на небе белое, без единого пятнышка облако, мне казалось, что это Катя смотрит на нас с небес и оттуда направляет на добрые дела и поступки.

Непрощённая

В

алентина пришла на рынок — продать излишки семян укропа, моркови. Она доставала мешочки, ставила перед собой на прилавок, писала ценники. Народу с утра было мало, но Валентина не горевала: спешить всё равно некуда. Да и веселей на людях. Она привезла с собой складной стульчик, разложила его, на сиденье пристроила кусок картона — ей казалось, что так сидеть удобней. Рядышком суежилась соседка: тоже раскладывала семена. Валентина обратила внимание на тыквенные семечки: «Надо будет купить. Говорят, они от печени помогают. У меня в этом году тыква ни то, ни сё. Семечки жидкие, шелуха одна». И ждала теперь, когда соседка подготовится к продаже. Наконец та успокоилась, облокотилась на прилавок. — Молодец, — похвалила она Валентину, — прихватила с собой стульчик. А я забыла. — Да вот, пока собираешься, обязательно чтонибуть забудешь, — Валентина подхватила разговор с новой товаркой. — В следующий раз привезёшь. Настояишься, устанешь, крепче помнить будешь, — они улыбнулись друг другу, как давние знакомые. Первых покупателей продавцы зазывали наперебой, старались убедить, что только их товар будет так необходим на кухне. По рынку пошёл легкий гул. Яркие цвета красных и жёлтых перцев радовали

НЕПРОЩЁННАЯ

глаз, отвлекали от мысли, что наступает зима. Свежая петрушка и укроп, словно волнами лежали между помидорами. Чесночный запах колбас и окороков тонко витал в воздухе, вызывая слюну. Валентина не удержалась, поделилась с новой знакомой: — Даже не верится, что говорят по телевизору: мол, в колбасу всякую дрянь кладут. Чувствуешь, запах какой вкусный? — Чувствую так, что уже есть захотелось, — соседка потянулась к сумке, достала бутерброды, один протянула Валентине, — на, замори червячка. Женщины неспешно доедали бутерброды, когда сбоку послышался голос: — У вас нет случайно расторопши? Валентина вскинула глаза, и неожиданно воскликнула: — Ой, Нина, да никак это ты? Сколько лет, сколько зим! Давно не виделись! Ну, здравствуй! — она обратила внимание, что землячка Нина кивнула головой и её новой соседке: — Надь, привет! «Она, оказывается, и соседку откуда-то знает», — мелькнуло у Валентины в голове. Сама она спешила расспросить про сельские новости, про родственников. — Да всё у всех нормально, — чувствовалось, Нине не особо хотелось поддерживать разговор. Как-то уж очень старательно она закруглила и предупредила все расспросы. Валентина, обрадованная встречей, осталась в недоумении. — Ну, ладно, я побежала, — Нина натужно улыбнулась и поспешила к выходу. От раз-

мышлений её отвлекла новая знакомая: — Откуда ты Нинку знаешь?

— Да мы же с ней из одного села. Чуть ли не в соседях жили. Только, вроде, спешила она куда-то. Даже не поговорили толком... Но, я поняла, что и вы с ней знакомы? — Знакомы, — с едва заметной усмешкой ответила Надя и продолжила: — Я в Пензе жила два года, работала на Часовом, когда въехала к нам в общежитие Нинка. Крупная была деваха, грудастая — кровь с молоком. Она нам очень понравилась сначала. Простая, не избалованная. Нравилась до поры до времени. До приезда Нинки у нашей подружки Людмилы был жених Иван. Оба они деревенские. Людмила, скромная и работающая, городской лоск ещё не приобрела, и многого стеснялась: например, слишком короткую юбку ни за что не наденет. А Иван, в отличие от невесты, смотрелся франтовато: костюм себе купил, как говорили у нас в деревне — шик с отлётом. Любовь у них была. Дело шло к свадьбе. Родовались мы за них: а почему бы и не порадоваться, если у людей всё складно получается? Они даже ни разу не поссорились. Бывало, придёт он за ней, постучится в дверь. Мы озорничаем, кто что кричит: — Заходите! Открыто! Кто пищит: — Ой, ой! Нельзя! Я раздета! Иван был терпелив. Наорёмся досыта, сами дверь откроем и приглашаем войти. Ой, и весёлое было времечко! Молодость столько всего не замечает! На кухне простецкие супчики варили из пакетиков — вермишелинки звёздочками плавали. Нахлебаемся «брындахлыста», Люсь-

ку проводим на

свидание и начинаем песни петь. Помнишь, как пели? Душой пели. Сейчас в какую компанию и пойдёшь — душой не споёшь. Караоке пошло: оно орёт, а публика петь не умеет. Да и песни не те. Раньше, бывало, запоёшь какую песню, будто судьба чья-то проживётся:

— Что было, то было, Закат заалел. Сама полюбила, Никто не велел... — Надя тихо и нежно пропела

куплетик такой знакомой песни, — сейчас и в шоу так споют, что не повторишь ни одной мелодии. Не захочешь, — она со вздохом заправила под шапочку выбившуюся седую прядь. — И вот надо же было случиться: положила Нинка глаз на Ивана. Положила так, что скрывать не смогла этого. Он приходит, а она, как опоённая тёлка, смотрит на него, глаз не отрывает, с великой любовью. Мы сначала ей шуткой намекали, что, мол, парень занят. Угомонись, милая, не твой товар. Она вытаращится на нас, как полоумная, улыбается и твердит: «Да, да. Я всё понимаю». Но стоило ему придти, всё повторялось сначала. Мы Нинке про гордость девичью стали говорить. Увещевать, совестить. Она слушает, а сама стала притаиваться от нас. Не допёрли мы, что затаилась она по-серьёзному. Нинка поняла, что сообщников у неё тут не будет. И решила действовать. Однажды в выходной все разъехались по домам, а Нинка домой не особо стремилась: далеко ей до дома по бездорожью добираться. Пришёл Иван. Он заглянул на всякий случай — вдруг Людмила домой не

уехала: в кино сходить, прогуляться по городу.

А тут Нинка одна и подстерегла любовь чужую. Ох, постаралась, уложила Ивана в кроватку, всю страсть и любовь выплеснула на него. Не устоял мужик, чего отказываться-то?

Прошло немного времени — стали мы догадываться: что-то произошло. Тошнить Нинку стало. Погрешили сначала на колбасу — сбросились с получки, но ели все вместе, а тошнит одну. Первый раз пролетело. А тут и второй день и третий — и всё одно и то же. Видно, Нинка сказала о своём сюрпризе Ивану. Сделался тот сам не свой. Глаза заледенели будто. Сейчас сколько мужиков от своих детей отрешивается, да и во все времена отрешивались, а Иван совестливым оказался. Нинка взвивалась от радости. Беременная, она подурнела, но так уверилась, что не отвертится от неё Иван, — о другом даже не помышляла. А бедная Людмила все подушки слезами перемочила. Мы её и уговаривали, и всякие разные примеры приводили, а она однажды села на кровати и говорит: «Девчонки, о чём разговоры? Всё ясно. Мы любили друг друга. А Нинка тоже полюбила его, но она хитрей оказалась. Ивану надо было думать, да, видно, плохо думалось ему в этот момент. Не пойду против совести. За муж меня зовёт, но как-то уже неохотно. Теперь поздно. Переплачу, выстою. Другого не дано». — И снова упала Люська на подушку и рыдала, рыдала. Мы обступили её, гладили по спине... И Нинку уже боялись проклинать: ребёнок-то уже в ней — ещё одна живая душа. Как тут быть? — Надя вздох-

нула и продолжила рассказ:

— А дальше Иван с Нинкой сходили в ЗАГС — заявление подали. Ох, уж как она тогда собиралась — паспорт в красной корочке на стол выложила и всё талдычила: — Вот, идём заявление подавать. Мы никто не могли слова вымолвить. На глазах чужую судьбу разрушала. Сердце чугунное надо иметь, чтоб всё это выдержать. На свадьбу она нас, бесстыжая, всех пригласила. Куда деваться? Бастовать, вроде, неприлично. И идти противно. Жили в одной комнате — за подружек были. Людмила убедила нас идти на свадьбу: — Идите, девчата, что ж теперь? Должны были у меня гулять. А получилось вон как, — и, прикусив губу, она горько заплакала. Мы, как подневольные, собирались на торжество: не хочется, а надо. Поехали гулять в село к Нинке. Наказались, не приведи Господи. Все кричат: «Горько!» — а жених-то наш, как замороженный. Встанет, словно аршин проглотил, поцеловать никак невесту не решится. Народ своё требует, орёт, что есть мочи: «Горько!» — он чуть до неё губами дотронется и скорей опять садится. Нинкина бабушка, бабка Окся, кругленькая, как пышечка, глазками хитрыми всё поглядывала на молодых, о чём-то, видать, смекнула. Улучила момент, нас с подружкой подкараулила в сенях, прижала к почерневшим брёвнам: — Девки, а ну, давайте рассказывайте, как на духу. Какие шуры-муры были между внучкой и Иваном? Вижу я, внучка от любви пылает, а зять сам не свой. Мы глаза потупили, сами думаем: «Надо же, пожилая,

а обо всём догадалась». Бабка гнёт своё:

— Не затем я землю столько лет топтала, чтоб не понять, что к чему. Смотреть мне больно, Нинка-то ведь и моя кровиночка. Деваться некуда нам с подружкой. «Раскололись» мы. Накоротке всё бабке выложили. Вдохнула она тяжело, прошептала: — Всё правильно. И со стороны видно, — прижала фартук к глазам, пошла от нас, шатаясь.

Со свадьбы добирались долго: сначала на санях до районного центра — перемерзли страсть как! Только накатанная дорога, а вокруг ни следочка. От села до села снега лежали белые, нерастревоженные. Воздух чистый, свежий. Пар изо рта валит. Лошадка с заиндеветыми боками, с бубенчиками под дугой знай себе бежит да вызывает мелодию. Звучки лёгкие, кружевные: динь-динь, динь-динь. Думалось под эти звуки особенно. Ведь как нам казалось: хочешь судьбу счастливую построить — строй. Да не тут-то было. Не от тебя одной судьба зависеть может. Всё было хорошо, да появилась Нинка, и у троих судьба раскроилась подружому. Из района в город ехали на пригородном — тащился он еле-еле. Сама, чай, знаешь свою дорогу, — кивнула на Валентину, которая ждала продолжения. — Так вот, приехали со свадьбы. Души пополам перепилены, но рады были, что Людмилу, хотя бледную, но увидели — за неё испереживались сильно. Всё, как есть, рассказали. Про бабкины догадки — тоже. «Надо же, даже бабушка заметила», — прошептала Людмила и к стене отвернулась. Догадались мы, что опять она плачет. На

этот раз уговаривать не стали, решили, что лучше пусть выплачется, а то неровён час ещё что-нибудь удумает. Это ж надо было такую боль вытерпеть из-за этой Нинки.

Вскоре съехали молодожёны на частную квартиру. Мы радовались, что Нинку будем видеть реже, только на работе.

— Но знаешь, Валентина, боль-то на этом не закончилась.

— Да понятно, что это не сразу проходит. А что ещё было?

— Вскоре у молодых родился сын, Виталиком назвали. Бельенький такой, головастенький. И вот тут-то получился казус. Молодому папаше нет бы радоваться своему наследнику, а он всю обиду, казалось, выплёскивал на сынишку. Считал его виноватым, что разбилась любовь у него с Людмилой. Вот не обращал на него внимания и всё тут. Орёт мальчишка, надрывается, а он к нему не подойдёт лишний раз. Мало того, что отец словно бы не рад рождению наследника, так и мать, Нинка, тоже не прощала своего сына за то, что любила пылко, да сама не стала любимой. Ну вот, скажи, разве ребёнок в чём виноват? Ей как матери, наоборот, надо было залюбить свою кровиночку до беспамятства, а она...

— Надежда развела руками.— Ухаживала, правда, за ним хорошо: пелёнки-распашонки всегда нарядные, чепчики наглаженные.

Со временем мы из общежития тоже разбрелись кто куда. Одна за другой вышли замуж. У каждой были свои симпатии, но, мне кажется, такой любви, какая была у Ивана с Людмилой, ни у кого не было. Мы, подружки по общежитию,

изредка собирались на

посиделки. Нинку, конечно, не звали. С той так, при случае, накоротке общались. Однажды я её спросила о бабушке, часто ли ездит к ней? — Не езжу совсем, — огрызнулась резко. — А почему так? Бабушка у тебя хорошая. — Вот потому и не езжу, что слишком хорошая! — опять бросила в сердцах Нинка. — Взбучку мне вздумала устраивать: видите ли, показалось ей, что к Витальке я не так отношусь. Всё кричала — недолюбленный, недолюбленный! Тогда и я Нинке подсыпала перца: — Видишь, даже бабушка это заметила. Дурья твоя башка, хоть раз сама себе ответь: в чём провинился мальчишка? Послушный, тихий. Растёт, как трава. Только не обласканный отцом и матерью. Не виноват он ни в чём. Моя бабушка сейчас бы резче сказала: кнутом пороть за такие дела надо да с нащелком! Ты же — мать! Люби свою капельку, люби до беспамятства, до одури. Кто ж пожалеет так ребёнка, как не мать? А у вас круговерть какая-то получается: ты не любишь Витальку из-за того, что не смогла привязать мужика к себе силой. А мужика дитём не привяжешь. Тут любовью надо. А её не было. Ты сама, Нинка, всё натворила! Тогда бы ты одна перетерпела, а сейчас столько людей мучается и больше всех невинный ребёнок. Изредка встречала я и Ивана: на франта он похож уже не был, лоск прежний потерял, стал одутловат, а в глазах гуляла тоска беспроектная. Однажды я спросила: — Что ты, дружок, скучный какой-то? Смотреть на тебя больно. — Заболеешь тут, —

тяжело вздохнув, опустил голову. — Веришь, живу, словно поневоле. — Не Людмилу случаем вспоминаешь?

— Я про неё и не забывал никогда. Я ж молодой, а боль в груди горит, не перестаёт. Жизни не рад. Если бы я знал, что не всё стерпится-слюбится, не женился бы тогда. Теперь мучаюсь, — на скулах Ивана катались желваки, — эх! Много бы я сделал, чтобы вернуть всё назад, да не хватает сил!

Пролетело лет семь или восемь. Надумали Нинка с Иваном родить второго ребёнка. И опять сын родился — Игорёк. В этом ребёнке они души не чаяли. Словно опомнились, что дитя надо любить. И получилось ещё неказистее: всё Игорьку, да Игорьку — погремушки в детском магазине выбирали самые дорогие, игрушки мягкие даже про запас покупали — Витальке трогать не разрешали. И он, бедный, зажмётся в уголок и сидит, помалкивает. Подрастать стал, задумался о своей участи. Не понимал он своей вины, а чувствовать, что недолюбленный, конечно, начал. Молча завидовал он младшему братишке и сглатывал свою обиду. Как исполнилось Витальке восемнадцать лет, ушёл в армию. Там всё по Уставу и под козырёк. Приездами родители не баловали: ну, отошлют бандерольку с носками, варежками, шоколадку сунут и всё. Но вот прошла и служба. Вернулся повзрослевший Виталик с Почётными грамотами за отличную боевую подготовку. Мать на грамоты взглянула мельком. Отец буркнул: «Молодец». Отдохнул Виталик месяц дома и пошёл слесарить на завод. Времени зря не терял — поступил заочно

учиться во ВТУЗ. Через три года женился. Мать сразу сказала: — Снимай квартиру. Сейчас все так делают. Сын хотел было возразить, что, мол, в четырёхкомнатной квартире и им с женой нашлось

место бы, но передумал, — Надежда вздохнула, — долго снимали жильё. Родилось двое деток, позднее оформил через ипотеку квартиру. Пока расплачивался, подрабатывал, где только можно. Худющий сделался — в чём душа держалась. Получил образование, сначала поработал мастером, а потом стал начальником цеха. А сейчас он уже директорствует. Со времён перестройки столько рвачей развелось: на людей внимания не обращают, лишь бы себе отхватить побольше. А у Виталика всё по уму. Производство развивается, зарплату достойную людям платит. Часто показывают его по телевизору. — Видела, видела недавно в новостях, — перебила Валентина, — так это, оказывается, Виталик? Нинкин сын? — Да, да, он самый. В галстучке, чистенький, интеллигентный. Смотреть приятно. Я вот думаю: если бы его родители баловали, может, из него бы ничего и не получилось. А тут вот видишь, как всё вышло: из-за недолюбленности Виталик за жизнь крепко держался. Рассчитывал только на свои силы. Смог полюбить и стать любимым в своей семье. — А Нинка-то как с Иваном поживают? — Иван года два назад умер, сердцем всё маялся, потом инфаркт случился. — Надо же, ещё ведь и не старый, — загоревала Валентина. — Нинка частенько на рынок прибегала, всё покупала фрукты,

— Надежда вздохнула, — надеялась его на ноги поставить, да не получилось. После смерти его теперь убивается, кается и всегда говорит: — Непрощённая я, непрощённая...

ВАНЬКА-ПИСТОЛЕТ

В

анька-Пистолет прозван так был за то, что в молодости на охоте отстрелил себе два пальца — указательный и средний, и безымянный стал торчать потом, как направленное дуло. Работать он не любил, как сам выражался: «Гробиться на луковых грядках не хотел». Зато любил выпить. Сядет на крылечко с утра, закурит и соображает: «Где же стрельнуть самогоночки?». Одна дума у Ваньки, пока деревенские мужики, как проклятые, на огороды спешат. За эти старания он даже серчал на всех мужиков сразу. Ведь только сойдёт снег, солнышко чуть заглянет в окна, а они уже — кто с вилами, кто с лопатами — ноги в резиновых сапогах утопают в земляной жиже, за подолами своих баб бегут. Как же, стараются поскорей свои сотки вскопать, поднять повыше грядки, чтобы влага между ними стояла. Конечно, мужики знали, за что будут вкалывать: им после таких трудов обязательно перепадёт граммов по двести. Делу время — потехе час. А на этот счёт у Ваньки — другое мнение, поскольку было невтерпёж: «Ты поднеси сначала, а потом требуй работу!» И Шурка, баба его, тоже хотела, как другие жёны, — поработай, а потом — всё остальное. А Ванька ни в какую! Ему бы остограмиться и до работы, и во время работы, а уж после работы — сам Бог велел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.